

Глава первая

Я открываю глаза. Черепица холодит босые ноги. Опускаю взгляд — и тут же начинает кружиться голова. Судорожно вдыхаю холодный воздух.

В небе мерцают звезды, а внизу, посреди квадратного двора, возвышается бронзовый памятник полковнику Веллингфорду. До меня постепенно доходит, где я, — на крыше общежития Смит-Холл. Как я сюда попал? По лестнице поднялся? Как вообще сюда попадают? Ничего не помню... Паршиво, ведь надо как-то спускаться, и хорошо бы не убиться по пути.

Меня трясет. Усилием воли заставляю себя успокоиться, дышу медленнее. В абсолютной ночной тишине кажется, что моя возня и даже каждый вздох порождают эхо. Над головой темнеют ветви деревьев. От шороха листьев я вздрагиваю и вдруг на чем-то поскользываюсь. Оказывается, здесь растет мох.

Пытаюсь удержать равновесие, но ноги не слушаются. Взмахнув руками, падаю на холодную черепицу. В ладонь вонзается острый край медного водостока, но боли почти нет. Быстро нашариваю

ногами опоры — небольшой пластиковый треугольник, такие ставят на крышах, чтобы снег не падал людям на головы большими сугробами. Вроде не сползаю. От облегчения хочется рассмеяться. Но наверх точно не залезть — слишком уж сильно меня трясет, да и пальцы на холоде онемели. От прилива адреналина гудит в голове.

— Помогите, — чуть слышно шепчу я, и тут же в горле начинается клокотать истерический смех. Прикусываю щеку, чтобы его подавить. Нет, никаких криков о помощи! Нельзя никого звать, иначе напрасны все мои попытки казаться нормальным, а я ведь так усердно над этим работал. Только дети ходят во сне, а для всех остальных слишком уж это нелепо, слишком странно.

В темноте плохо видно, но здесь точно должны быть еще такие штуки для снега, хотя на мой вес они явно не рассчитаны. Решаю подобраться к ближайшему окну и попробовать в него влезть.

Медленно нашариваю ногой ближайший пластиковый треугольничек, тянусь к нему, извиваясь, словно червяк. Неровная, местами сколотая черепица царапает голый живот. Первая зацепка, еще одна — чуть ниже, потом вбок, и я у края. Вот и все, лезть больше некуда — окна слишком далеко. Тяжело дышу. Ладно, будет стыдно, конечно, но от стыда еще никто не умирал.

Пару раз глубоко вдохнув ледяной воздух, кричу:
— Эй! Эгей! Помогите!

Мой голос уносится в ночь. Где-то вдалеке на шоссе приглушенно гудят машины. В общезитии, кажется, меня никто не слышит.

— ЭГЕЙ! — теперь я уже ору что есть мочи. Даже в горле запершило. — Помогите!

Где-то внизу загорается свет, слышно, как открывается окно, и заспанный голос спрашивает:

— Кто здесь?

На мгновение голос кажется знакомым, похожим на голос одной девчонки. Мертвой девчонки.

Свешиваю голову вниз и выдаю самую смущенную свою улыбку. Только бы не испугать.

— Я тут, на крыше.

— Боже мой! — все же пугается Жюстина Мур. В окне рядом с ней появляется Уиллоу Дэвис:

— Сейчас позову коменданта.

Прижавшись щекой к холодному шиферу, пытаюсь успокоиться. Все будет хорошо, на мне нет проклятия. Еще чуть-чуть продержаться, и порядок.

Из общежития выбегают ученики. Внизу собирается целая толпа.

— Прыгай! Ну же! — кричит какой-то придурок.

— Мистер Шарп? — это уже Уортон. — Немедленно спускайтесь, мистер Шарп!

Седые волосы торчат в разные стороны, словно его током шарахнуло. Халат надет наизнанку, пояс волочится по земле. Редкий шанс выпал всей школе — полюбоваться на белые трусы завуча. Но на мне-то вообще ничего, кроме трусов, нет. По сравнению со мной вид у него вполне приличный.

— Кассель! — кричит мисс Нойз. — Только не прыгайте! Понимаю, порой приходится туго...

И замолкает, не зная, что бы еще добавить. Задумалась, наверное, на самом ли деле мне приходится туго: на оценки никогда не жаловался, с остальными в ладах.

Я смотрю вниз. То тут, то там щелкают камеры мобильных. Девятиклассники свешиваются из окон соседнего Стронг-Хауса, старшеклассники в пижамах и халатах толпятся на газоне. Конечно, черта с два их сейчас загонишь обратно.

Ухмыляюсь во весь рот и тихо говорю сам себе:

— Сейчас вылетит птичка.

— Спускайтесь немедленно, мистер Шарп! Я вас предупреждаю! — опять кричит завуч.

— Мисс Нойз, я в порядке. Не знаю, как сюда попал. Ходил во сне, наверное.

Мне снилась белая кошка. Уселась на грудь, часто дышала, словно хотела весь воздух из легких вытянуть, а потом раз — и откусила язык. И не больно совсем, только невероятно страшно. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Мой мокрый красный язык мышью извивался у нее в зубах. Вернуть его во что бы то ни стало! Я вскочил с кровати и прыгнул на зверюгу, но не тут-то было: слишком уж шустрая и тощая. Погнался за ней. А потом очнулся на крыше.

Вдалеке завывла сирена, потом все ближе, ближе. Я уже не могу улыбаться — губы болят.

Пожарные ставят лестницу, снимают меня, выдают одеяло. Зубы так стучат, что ни на один вопрос толком ответить не получается. Как будто правда кошка язык откусила.

В кабинете завуча последний раз я был вместе с дедом, на зачислении. Помню, он пересыпал в карман мятные леденцы из хрустальной вазочки, когда Уортон отвернулся. Он все распинаясь, какой из меня получится превосходный ученик. А сама вазочка между тем нашла приют в другом кармане дедушкиного пальто.

Сажу в том же самом зеленом кожаном кресле, кутаюсь в одеяло, дергаю нитки из марлевой повязки на руке. Да уж, превосходный ученик.

— Ходили во сне?

Уортон стоит у книжных полок и задумчиво водит затагнутой в перчатку рукой по истертым корешкам каких-то древних энциклопедий. Он уже успел нацепить коричневый твидовый костюм, но волосы по-прежнему торчат в разные стороны.

На столе красуется новая хрустальная вазочка с леденцами. Дешевка. В голове гудит. Вот бы это были не конфеты, а аспирин.

— Я раньше ходил во сне, но это было очень давно.

С детьми такое часто случается, особенно с мальчиками — в интернете вычитал, еще в тринадцать, после того раза, когда, посиневший от холода, проснулся на дороге. Странное было чувство, будто откуда-то вернулся, но откуда — не помню.

Лучи восходящего солнца золотят деревья за окном. Мисс Норткатт, директриса, пьет кофе. Глаза у нее опухшие и красные. Она так вцепилась в кружку с логотипом Веллингфорда, что кожа на перчатках натянулась.

— У вас, кажется, были проблемы с девушкой.

— Нет, вовсе нет.

После зимних каникул Одри меня бросила из-за моего поганого характера. А какие, спрашивается, могут быть проблемы с девушкой, если и девушки-то нет.

Директриса прокашливается:

— Поговаривают, вы принимаете ставки. Может, проблема в этом? Задолжали кому-то?

Опускаю глаза и пытаюсь сдержать улыбку. Да-да, у меня маленькая криминальная империя: всего лишь подделка документов и букмекерство, ничего больше. Я даже братцу Филипу отказал, когда тот предложил по-тихому снабжать учеников спиртным. А директрисе вроде плевать на наши развлечения. Слава богу, она не знает, что самые популярные ставки у нас на учителей — кто с кем спит. Она и Уортон, к примеру, — пара, на которую мои клиенты денег не жалеют. Хотя что между этими двумя может быть? Я качаю головой.

— Возможно, перепады настроения? — это уже завуч.

— Нет.

— Потеря аппетита? Бессонница?

Он что, справочник цитирует?

— Да, со сном у меня явно проблемы.

— Что вы имеете в виду? — директриса тут же напряглась.

— Да ничего! Я во сне ходил, понимаете? И прыгать не собирался. Если бы хотел покончить с собой — не полез на крышу, выбрал бы

местечко повеселее. Да даже если с крыши — уж точно штаны бы не забыл надеть.

Мисс Норткэтт возвращается к своему кофе. Кажется, пронесло.

— Наш юрист говорит, что пока доктор не даст заключение о вашем состоянии, в общежитии вам оставаться нельзя. Мы должны быть уверены, что подобное впредь не повторится. Страховка такого не покроет.

Ошарашенно молчу. Нет, я понимал, что разговор будет не из приятных — ну, отчитают, может быть, даже вкатают пару дисциплинарных, но не думал, что будут какие-то серьезные последствия.

— Но я же ничего плохого не делал.

Полнейшая, конечно, глупость. Неприятности не потому случаются, что ты их заслужил. Да и, честно говоря, грехов на моей совести немало.

— Мы связались с Филипом, он вас забереет, — подводит черту завуч и переглядывается с директрисой. Его рука непроизвольно тянется к шее — там на разноцветном шнурке наверняка висит амулет, хоть под рубашкой и не видно.

Ну понятно: думают, мастер надо мной поработал. Ведь почти ни для кого не секрет, что в свое время дедуля работал на семью Захаровых. У него вместо половины пальцев маленькие черные культы — мастер смерти, сразу видно. И про маму в газетах писали. Неудивительно, что Уортон и Норткэтт готовы любые мои выкрутасы списать на проклятие. Я поднимаюсь:

— Не можете же вы меня отчислить за хождение во сне. Это наверняка противозаконно. Это дискриминация по...

И тут я замолкаю, а желудок на мгновение скручивает от нестерпимого холодного ужаса. Вдруг меня и вправду прокляли? Касался ли меня кто-нибудь? Нет, голыми руками никто, только в перчатках. А если незаметно?

— Мы пока ничего окончательно не решили.

Директриса роется в бумагах на столе, завуч наливает кофе.

— Я могу хотя бы посещать занятия?

Не хотелось бы, конечно, ночевать одному в пустом родительском доме, а тем более — вламываться к кому-нибудь из братцев, но что поделаться. Все что угодно, лишь бы жизнь моя шла как идет.

— Отправляйтесь в комнату и соберите вещи. Будем считать, что вы на больничном.

— Но только пока я не предоставлю медицинское заключение?

Молчат. Потоптавшись возле кресла и так и не дождавшись ответа, я выхожу в коридор.

Можете мне особо не сочувствовать, потому что на самом деле я убийца — в четырнадцать лет убил одну девчонку. Лила была моим лучшим другом, я ее любил и убил все равно. Мало что помню, все как в тумане. Когда Филип и Баррон нашли меня, я стоял над телом и криво улыбался, руки по локоть в крови. Отчетливо помню лишь, как смотрел на Лилу и радовался, будто мне что-то удачно сошло с рук. И еще голова кружилась.

Об этом никто не знает, кроме моей семьи. Ну и меня, конечно же.

Но таким я быть не хочу. Поэтому в Веллингфорде прикидываюсь и вру изо всех сил, а постоянно притворяться очень трудно. Никогда, к примеру, я не слушаю музыку, которая мне нравится, только ту, которая должна нравиться. И девушку бывшую пытался убедить, что я — вовсе не я, а тот, кем она меня хочет видеть. В компаниях я обычно держусь особняком и вычисляю, как бы всех половчее рассмешить. Только это у меня и выходит хорошо — врать и прикидываться.

Говорю же, грехов на моей совести немало.

Шлепаю босыми ногами обратно к общежитию через залитый солнцем двор, все еще кутаясь в колючее одеяло. При моем появлении сосед по комнате удивленно вздрагивает. Он как раз галстук завязывал. Рубашка вся мятая.

— Я в порядке, если тебе вдруг интересно, — бросаю устало.

Сэм помешан на научной фантастике и ужасиках, поэтому вся комната у нас увешана мрачными плакатами и резиновыми масками лупоглазых пришельцев. Родители надеются запихнуть сына в Массачусетский технологический институт, а потом пристроить в какую-нибудь фармацевтическую контору покруче. Сэму такая перспектива не очень нравится, но они об этом и не подозревают. Даром что он здоровый как медведь и только про кровищу и болтает — отстаивать свою точку зрения не умеет совсем. Мы вроде как друзья. Во

всяком случае, мне приятно так думать. Компании у нас разные, и «дружить» поэтому легче.

— На самом деле я... Да какая разница. Умирать пока не планирую.

Сэм с улыбкой натягивает форменные веллингфордские перчатки.

— Хорошо, что ты голым не спишь.

Фыркнув, падаю на койку. Жалобно скрипят пружины. На подушке свеженький конверт с шифром: это какой-то девятиклассник ставит пятьдесят баксов на победу Виктории Кварони в конкурсе талантов. Шансы ничтожные. Кстати, пока меня нет, кто будет вести дела и выплачивать выигрыши?

— Ты точно в порядке? — интересуется Сэм, легонько пиная ножку кровати.

Киваю. Надо бы рассказать о своем отъезде. Счастливчик, скоро вся комната будет в его распоряжении. Но что-то пока не хочется окончательно расставаться с призрачными остатками нормальности.

— Устал просто.

Нацепив рюкзак, Сэм хватается за ручку двери.

— Пока, шизик.

Машу в ответ перевязанной рукой, и тут меня осеняет.

— Эй, постой-ка.

Сэм оборачивается.

— Я тут подумал... Если придется уехать, ставки принимать сможешь?

Не надо бы его просить. Мало того что пришлось признаться, что практически отчислили,

так еще буду в долгу. Но уж очень хорошо у меня тут все устроено, бросать — не дело.

Сэм задумался.

— Да ладно, забудь. Считай, что ничего...

— А мне доля полагается?

— Двадцать пять процентов. Ровно четверть.

Но тогда будешь не только деньги собирать.

— Пойдет, — он медленно кивает.

— Ну и чудно, в тебе я уверен на все сто.

— Лестью ты чего хочешь добьешься. Только с крыши она слезть не поможет.

— Ну-ну.

Со вздохом сползаю с кровати и достаю из комода чистые форменные брюки. Черная ткань ужасно колется.

— А чего это ты вдруг уезжаешь? Не отчисляют ведь?

Отворачиваюсь, натягивая штаны, но голос подделать трудно:

— Нет. Вообще-то, не знаю. Давай-ка расскажу, что делать.

— Ну и?

— Возьми записную книжку. Там имена, цифры — короче, все. Заноси туда ставки.

Влезаю на стул, чтобы добраться до верхней полки шкафа. Там наверху, за дверцей, прилеплен скотчем блокнот. Отдираю. А вот и еще один, с десятого класса. Тогда мои дела как раз пошли в гору, пришлось начать все записывать. А раньше работал по памяти. Отличная у меня память на самом деле, хоть и не фотографическая.

— Вот.

— Пожалуй, справлюсь.

Сэм ухмыляется. Он явно удивлен тем, что у меня тут тайник. Потом листает записную книжку. Там все ставки с начала одиннадцатого класса, все расчеты. Что будет с мышью из Стэнтон-Холла: зашибет ее колотушкой Кевин Браун, или сработает мышеловка профессора Мильтона, или ее поймает Чайават Тервейл (гуманно, на листик салата). Ставят все больше на колотушку. Кто получит главную роль в «Пиппине»: Аманда, Шэрон или Кортни, не перехватит ли роль новенькая из массовки. В итоге победила Кортни, они до сих пор репетируют. Сколько раз в неделю нас будут пичкать в столовой «ореховым печеньем» без орехов.

Настоящие букмекеры, чтобы заработать, сразу вычитают свой процент из суммы ставки. Ну, к примеру, кто-нибудь ставит пять долларов, а из них пятьдесят центов уже идут букмекеру. Поэтому ему все равно, кто выиграл, лишь бы расчеты сходились и неудачных ставок хватало на выплаты победителям. Я не всегда так работаю. В Веллингфорде вечно ставят на всякую ерунду, иногда совершенно невозможную, — денег-то у учеников куры не клюют. Так что я временами работаю по всем правилам, как в конторе, а временами ничего не высчитываю и просто надеюсь прикарманить денежки. Пожалуй, я тоже в своем роде азартный игрок. Ну да, так оно и есть.

— И не забудь, только наличные. Никаких кредиток или часов.

Сэм закатывает глаза.